

Павел Брычков

Весенний ветер

Алексей Солин проснулся с какой-то приятной ясностью в душе. Состояние это проникло еще сквозь сон переливчатым шелкающим звуком. И этот звук, и яркие солнечные пятна на стене поднимали в душе радость и желание жить. Алексей провел рукой по щекам, глянул в зеркало и не понравился себе: «Никто, пожалуй, не даст сорока, щетина-то как старит. Побриться б надо...»

Он оделся, шагнул за порог, в сенцах взял эмалированное ведро, на колонку сходь, и, выйдя на улицу, вдохнул полной грудью утренний апрельский воздух, теплые и холодные струйки в котором так смешались, что в одну ноздрю тянется тепло, а в другую прохлада. Алексей оглядел ограду в черном, будто оплавленном снегу и подумал: «Это ж надо, сколько в природе грязи! Одно слово – город. В деревне так даже самой поздней весной снег на дворе только синел. Бывало, сметет отец опилки, за зиму-то скопившиеся, а под ними ледок матовый, будто молоком забеленный...»

– Чи-и-у-р-р-р-чик-чок-чок! – вдруг раздался над головой тот звук, что разбудил его, только пронзительней и чище.

На ветке, прибитой к скворечнику, растопырив дрожащие крылышки, сидел скворец и страстно зазывал подругу. Устремив к солнцу раскрытый клюв, он будто перекачивал в горле горошину, рождая радостные трели. «Ах ты, мой лапушка, прилетел, значит, – с умилением глядел Алексей, – ну пой, родимый, пой, зови свою радость жизни». Он поставил ведро и заслушался. Вспомнилась деревня, из которой уехали они с матерью да сестрой три с лишком десятка лет назад, вспомнил, какие концерты устраивали скворцы у отцовского дома, где стояло около десятка скворешен, и на душе стало грустно и тепло. Мало уж чего хорошего вспоминается из той поры...

– Лешка, чего раззявился? В магазин сбегай, хлеба ни крошки нет! – раздался громкий женский голос, и из сеней вышла сожительница Солина, крупная рыхлая женщина, старше его на десять лет. Алексей вздрогнул, матюгнулся в душе и позавидовал скворцу, который заманит скоро свою подругу и будет жить с ней в полном согласии.

Ему же с подругами не везло.

Первый раз подобрала его ровно птенца желторотого Нинка. Ничего была баба, только на семь лет старше да пила крепко. Сына родила. Ненормального, правда. После этого без роздыху запила Нинка, и ушел от нее Алексей. К Людке. По любви шел, со всей душой. Что ж, что на десять лет моложе, он ведь тоже не лыком шит! И Людка сына родила, здорового и крепкого, но так сильно не похожего на отца, что запил Алексей, стал ревновать. А когда пробовать бить стал, Людка обозвала его «пеньком» и выгнала с милицией. На последние три года прислонился Алексей к Агане, потому что один жить не мог: скучно.

Солин шел по тротуару с ведром воды, в котором играли солнечные зайчики, будто уклейки, и поглядывал на окна соседского дома, где жила его симпатия недосыгаемая – Татьяна Кирилловна со стареньким отцом и двумя пацанами двенадцати и четырнадцати лет. Работает Татьяна Кирилловна в конструкторском бюро инженером. Нравом веселая, черноглазая. С деньгами у нее, конечно, туго, чего говорить! Давно Алексей уговаривает ее выйти за него замуж, хоть с регистрацией, хоть без, хоть потом с ребеночком, хоть без ребеночка. Но Татьяна Кирилловна отказывается, на сыновей ссылается. А что сыновья! Алексей бы их любил. И денег бы хватало – слесаря все ж поболее конструкторов получают...

Пролетел рядом по дороге самосвал с бешеной скоростью, подпрыгнул, громыхнув, на яме, затянутой ледком, и выплеснул на тротуар, под ноги Алексею, грязную воду с осколками льда. Две пластинки льда попали в ведро и закачались, спугнув уклеек, испус-

кая в чистую воду черные кудрявые струйки. «Эх, в богородицу... Разъездились тут... – без злости подумал Алексей, выплескивая воду, – и чего я такой невезучий».

Солин вернулся к колонке, набрал воды и, когда шел обратно, увидел Татьяну Кирилловну, открывавшую ставни.

– Здравствуйте, Татьяна Кирилловна, – остановился Солин и поставил ведро.

– Здравствуйте Алексей Дмитриевич.

– Погодка седня какая, а!

– Да, весна!

– Верно говоришь, Татьяна Кирилловна! Настоящая весна. Вот и скворушка ко мне пожаловал.

– Так ведь и у нас поют. Даже как-то на душе веселее стало.

– Эх, Татьяна Кирилловна, Татьяна Кирилловна, вот помянули вы про душу, и думаю я, какая вы женщина добрая, к природе чувствительная, шли бы вы за меня замуж, и любил бы я вас как никто другой.

– Алексей Дмитриевич, опять вы за свое, – насмешливо сверкнула глазами Татьяна Кирилловна, – ведь говорила я вам, что пятерку взаимы на бутылку и без замужества дать могу!

– Вам бы только шутки шутить, – насупился Алексей, – а я к вам со всей серьезностью. Мне вовсе не пить – раз плюнуть. Я ведь от плохой личной жизни пью! Но это вашей образованности, конечно, неинтересно.

– Да не обижайтесь, вы же знаете, что я к вам хорошо отношусь, – ласково протянула Татьяна Кирилловна.

– Знаю, конечно, – обрадовался Солин. – Хорошо, что я вас встретил. Седня моя выдра-то уедет в деревню к сестре, зашли б вечерком, у меня и бутылка припасена...

– Что вы, я не могу. Куда я своих мужиков-то оставляю. Да и не пью, вы же знаете.

– Татьяна Кирилловна, но ведь день-то какой – именинник ведь я. Вы папашу с собой берите, веселее будет.

– Так у вас, помнится, месяц назад был день рождения?

Солин замялся, потом выпалил:

– Так то по метрике день рождения! А вообще-то я седня родился, третьего апреля. Это секретарь сельсовета, Петька безногий, месяц-то спутал спьяну! У меня и огурцы свежие есть! А, приходите, Татьяна Кирилловна!

– Ну если даже огурцы свежие есть, тогда подумаем, – сказала Татьяна Кирилловна, пряча улыбку.

Вечером Татьяна Кирилловна с отцом пришла к Солину. Тот, выбритый, со свежим порезом над верхней губой, засуетился, открыл почерневший от времени холодильник «Саратов», вытащил две тарелки с зелеными пятачками парниковых огурцов, уже слегка поблекших, нарезал большими кусками хлеб и поставил все это рядом с бутылкой «Экстры».

– Садитесь, садитесь, Кирилл Матвеич, садитесь, Татьяна Кирилловна! Вспрыснем, так сказать, мое рождество. Человек я простой, конечно. Но как кто-то правильно сказал, человек рождается для счастья, как птица для полета. Татьяна Кирилловна, может, выпьете с нами чуток?

– Нет, нет! Здоровье, сами понимаете.

– Да-а, ну что ж, давайте, Кирилл Матвеич, вдвоем тогда.

– За твое здоровье, Алексей, – просто сказал Кирилл Матвеич, и они, чокнувшись гранеными стопками, выпили. И скоро оживились.

– Вот гляжу я, Кирилл Матвеич, на вашу дочь, и такое у меня к ней уважение, словами не передать! Ведь как она своих сынов-то воспитывает. А! Ведь какие молодцы!

– Воспитывает, как все воспитывают, – благодушно сказал Кирилл Матвеич, нанизывая на вилку три огуречных кругляшка.

– Не скажи, не скажи, Кирилл Матвеевич, – разливая водку по стопкам, запротестовал Солин. – Они ведь у нее все делают по дому: как ни погляжу, и в огороде, и за водой ходят. Трудом она их берет, трудом... Я так думаю, что это от вас по наследству идет!

– Да! Наш род – весь работающий, – польщенный, протянул Кирилл Матвеевич.

– Папа, не хвастайся, пожалуйста, – вступила в разговор Татьяна Кирилловна.

– А я и не хвастаюсь, все как есть говорю.

Татьяна Кирилловна, ни к чему не притрагиваясь на столе, оглядывала давно небеленую печь и потолок, почерневшие обои и думала, что, пожалуй, Солину здесь и правда невесело живется. Хотелось уйти поскорей, а может быть, лучше вообще не приходить, но отец, как узнал о приглашении, сразу засобирался. Любит старый выпить. А поскольку, говорит, не его приглашали, то и ей пришлось пойти. Заметив над кроватью посеребшую, с прожелтиями, в простой деревянной рамке фотографию, с которой серьезно и напряженно смотрели мужчина в гимнастерке и женщина, Татьяна Кирилловна спросила Солина:

– Кто это?

– Отец с матерью. Отца-то я хорошо помню, хоть и шесть лет мне было, как его в пятидесятом забрали... Он у нас боевой был, с войны два ордена привез! Только вот потом с бригадиром не ладил. Тот всю войну на брони просидел. Привык: для него что колхозное, что свое было... Ну, отец поперек ему стал. А тот написал на него, мол, о вожде плохо отзывался, и свидетелей нашел. А потом и нам пришлось убираться. Досталось матушке-покойнице в городе-то, пока нас с сеструхой подняла...

Татьяна Кирилловна встала из-за стола и подошла к фотографии.

– А вот скажите, Кирилл Матвеевич, доверили б вы мне свою дочь? – придвинул Алексей табуретку вплотную к гостю.

– Это как?

– Ну, к слову, жениться мне на ней!

– Ты это ее спрашивай, слава Богу она у меня самостоятельная. Да потом, у тебя Агния есть. Ты ведь муж ей.

– Да какой я ей муж! Я у ней мальчик на побегушках: Лешка – то, Лешка – это! Не поверишь, по три сотни иной месяц приношу, а на обед по рублю выпрашиваю! – воскликнул с горечью Солин и уронил голову на ладонь.

– Ну ладно, папа, пойду я, – сказала Татьяна Кирилловна, не любившая пьяных слез.

– Подождите, Татьяна Кирилловна, посидите с нами, – начал уговаривать Солин.

– Да нет, пойду, пора мне...

– Пойдите, возьмите вот ребятам, возьмите, не обижайте, – протянул он длинный темно-зеленый огурец.

– Спасибо, Алексей Дмитриевич, спасибо. Папа, не задерживайся!

– Не задержусь, дочка, не задержусь...

Солин покачнулся, вышел за Татьяной Кирилловной на улицу.

– Татьяна Кирилловна, – он взял ее за руку, – подождите, я прошу вас.

И вдруг весь встрепенулся и страстно заговорил:

– Вы меня, понятно, всерьез не принимаете. Да и сам я соображаю, что никогда мне до вас не дотянуться. Но поймите меня! Жизнь проходит, а кому Лешка Солин нужен? Кому? Может, вы тот единственный человек, кому я душу наизнанку выверну и подстилкой к ногам брошу. Станьте этим человеком, станьте!

– Пора мне, пора, – испуганно заговорила Татьяна Кирилловна, пытаясь освободить руки. Но Солин еще крепче сжал запястья и потянул к себе.

– Да прекратите, в самом деле! – воскликнула сердито Татьяна Кирилловна, уперлась ему кулачками в грудь и резко оттолкнула. Солин отлетел к двери, а она быстро зашагала к своему дому. Входя на крыльцо, она оглянулась и увидела, как Солин стоял, облокотившись на штакетник, и грустно смотрел в ее сторону. Что-то похожее на жалость шевельнулось в ее душе: «Господи, и почему он такой...»

А Солин подставлял лицо свежему прохладному ветру и, преодолевая пьяное оцепенение мыслей, думал: «Какая она все же хорошая».

Из дома послышалась протяжная песня. Алексей вернулся к столу, сел рядом с поющим стариком и обнял его седую маленькую голову. Слов песни он не знал. Разливая по стопкам остатки водки, в приступе подступившей к груди горечи и жжения, он замотал головой, будто соглашаясь с чем-то.

Песня была старинной, о любви, о счастье.

1980